

Глава 11

Беда не приходит одна

В главе об уроках Чернобыля я пытался размышлять о том, почему нам прямо-таки позарез необходимы авария, катастрофа, чрезвычайное происшествие — короче, беда! — чтобы сплотиться, позабыть большие и малые ссоры, до баррикад иной раз доходящие, до предела границ, чтобы начать работать по-настоящему. Но как только беда отступает, мы расслабляемся, не доводим дело до конца — или бросим на полдороге, или сделаем что-то несуразное. Строить и растить — дело долгое, рутинное. Ну, а вперёдсмотрящих и впереди идущих лидеров привлекают лишь очень быстрые результаты.

Вспомните послебеловежскую зиму в Москве: приватизировать торговлю — максимум в две недели! А приватизация по МВФовскому (точнее, американскому) сценарию, озвученному нашей новой экономической «звездой»?.. Да что там темпы сталинской коллективизации, о которой уже более полстолетия говорят и пишут. Точно, в назначенный срок закончить первый этап разгосударствления и расколлективизацию и, не останавливаясь, не оглядываясь, снова вперед! Даже опыт «железной леди» с ее осторожными шагами в приватизации в этом случае уже не рассматривается как «опыт цивилизованной страны». Надо отдать должное, что несколько миллионов соотечественников сейчас не были высланы на Север, Урал и в Сибирь, но вряд ли меньшее их число получило неожиданный бессрочный отпуск за воротами заводов. И нет среди власть предержащих здравомыслящего лидера, который если бы и не написал о головокружении от успехов, то, по крайней мере, твердо сказал бы — остановитесь!

Этих лидеров постоянно манят новые горизонты и высоты в борьбе за власть. Политика, с их точки зрения, привле-

кательней экономики хотя бы потому, что она в нашей многострадальной державе как бы специально придумана для спринтеров, а экономика требует долгого дыхания, стайсского. Спринтерам от политики не по душе даже, если кто-то рядом терпеливо засыпает воронки от очередной беды, чтобы отстроить заново город и посадить сад.

А беда никогда не приходит одна. Чем же так не угодила Всевышнему наша из последних сил перестраивавшаяся на марше страна? Не успели мы оправиться от Чернобыля, как новая беда прогремела, обрушилась страшным землетрясением в тогда еще не ставшей независимой Армении.

Оно вошло в историю под именем спитакского и произошло 7 декабря 1988 года в 11 часов 41 минуту 23 секунды. Точное время назвали сейсмологи, но оно застыло и на мертвых электрических часах на площади разрушенного Ленинакана.

Ситуация в Армении и до этих часов — минут — секунд была крайне взрывоопасной. С февраля 88-го резко обострился армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха. Уже отшумели к декабрю мирные демонстрации, и заговорили ружья, винтовки и даже автоматы. Уже вовсю начали действовать соединения боевиков, полилась кровь и грозила вот-вот обернуться потоком. Уже потянулись с Кавказа беженцы: армяне из Азербайджана, азербайджанцы из Армении. Уже создана была по этому поводу в ноябре комиссия Политбюро ЦК КПСС, которую возглавил Генеральный секретарь.

Но не до нее ему было: он готовился к первому в своей звездной жизни выступлению в ООН, к встрече с уходящим с политической арены Рейганом и вновь избранным президентом Бушем. На 7 декабря назначено было его выступление в ООН, времени для подготовки оставалось всего ничего, выступить следовало весомо и мощно. А я, по традиции, оставался на месте — так кому, как не мне, стоило поручить работу с «Карабахской комиссией»? Мне и поручили временно, до возвращения Генерального из Америки.

7 декабря началось у меня с очередного заседания этой комиссии. Мы не обсуждали в тот день коренных проблем — о судьбах Карабаха. Тогда все были озабочены одним: как приостановить вооруженные столкновения, задержать поток беженцев из республик, чтобы потом попытаться усадить обе стороны хоть за какой-нибудь стол переговоров.

В Армению в первых числах месяца по служебным делам улетел мой заместитель по Совмину Щербина, всегда незаменимый Борис Евдокимович, который, как и в Чернобыле, первым из высокого московского начальства встретил беду.

Немало людей, входящих в этот круг, повидал я на своем веку. Но только после того, как в течение какого-то времени сам был в нем, понял, что, оказывается, недостаточно называться «высоким начальством» — надо уметь не попадать каждый раз в самый центр очередного аврала, прорыва, ЧП, а, наоборот, ловко от них увертываться. Слава Богу, ни я, ни мои истинные соратники не умели чувствовать себя начальством в этом понимании. Мы лишь назывались им, судя хотя бы по тому, что всегда лезли первыми в самое пекло.

Когда около полудня мне сообщили о землетрясении в Армении и я немедленно, не прерывая даже заседания комиссии, связался с Ереваном, с их Совмином, спросил подробности, мне ничего толком не сказали. Твердили только: очень большое несчастье, Николай Иванович, ничего пока не известно, связи нет. В район бедствия улетели Арутюнян и Щербина — как прилетят, так сразу и свяжутся с вами.

Сурен Гургенович Арутюнян был тогда первым секретарем ЦК Компартии Армении. Знание ритуалов подсказывало, что несчастье и впрямь очень большое: на рядовое ЧП первое лицо республики, да еще с зампредом Совмина страны, не вылетает. Усадили к телефону дежурного — ждать связи с Арменией...

Что мне тогда подсказывало шестое, десятое, сто первое чувство? Если честно, ничего не подсказывало. Землетрясение — не взрыв реактора на АЭС. Землетрясения в нашей стране по несколько раз в году случались — то посильнее, то послабее. И фраза про «очень большое несчастье» могла быть всего лишь фигурой речи. Так подсознательно и хотелось...

Но около 17 часов дежурный позвал к ВЧ-связи. Звонили Арутюнян и Щербина. Казалось, что они не просто устали от поездки в район беды — убиты, раздавлены. Говорил Борис Евдокимович:

— Там тысячи жертв, тысячи! — Голос срывался, как будто он держался на грани слез. — Спитак разрушен полностью. Ничего не осталось! Ленинакан тоже, почти весь, почти... А еще — Степанаван, Кировакан... Беда, Николай Иванович, такой беды и представить нельзя...

Щербина всегда был человеком спокойным, сдержанным, умел гасить эмоции. А тут...

Я и вправду ничего не мог представить себе. Щербина с Арутюняном в тот день всего лишь облетели район бедствия на вертолете — и то были потрясены до глубины души. А я за всю свою жизнь не сталкивался вживую ни с каким землетрясением, лишь читал о них да фотографии видел.

Умозрительное представление о чем-то обычно не очень близко к реальности. Но даже такое представление после этого звонка заставило меня действовать быстро и радикально. Во-первых, сразу решил лететь в Армению сам. Во-вторых, я связался с министром здравоохранения Евгением Ивановичем Чазовым — даже не стал его приглашать в Кремль, некогда было, — и уже вечером он вместе с первыми бригадами медиков вылетел в Ленинакан.

Лететь им было страшновато: никто точно не знал, что с тамошней взлетно-посадочной полосой. К счастью, она пострадала не очень сильно, ее довольно быстро залатали, и медики тут же раскинули свои палатки. Уже в ночь на 8-е начались первые операции. Впрочем, когда они прилетели в Армению, там уже были врачи из соседней Грузии — самыми первыми.

Со мной в Армению собирались улететь Н. Н. Слюньков, Д. Т. Язов, мои заместители Ю. П. Баталин — по строительству и Л. А. Воронин — по снабжению. Вылет назначили в ночь на 8-е, а до того следовало позвонить в Нью-Йорк Горбачеву.

Я связался с Нью-Йорком через спутник около 19 часов, там было еще утро. Телефонистки соединили меня с ЗИЛом Генерального, трубку поднял руководитель его охраны. Извинился:

— Не могу соединить с Михаилом Сергеевичем. Он только что прошел в здание ООН. Через несколько минут — выступление.

Не везло! Я не собирался ни о чем с ним советоваться, переваливать на его плечи какие-либо решения. Все было уже продумано, но я считал: Генеральный секретарь должен как можно скорее узнать о том, что произошло в стране. Узнать и наметить свою линию поведения.

— Как только он освободится, — сказал я руководителю охраны, — пусть сразу со мной свяжется. Без-от-ла-гатель-но!

Охранники — люди муштрованные: ни о чем начальство не спрашивают, но тон претлично понимают

Выступление Горбачева транслировалось по телевидению в прямом эфире, но я не смотрел, не до того было. Звонки, чередой люди... Поручил секретарям внимательно следить за телепередачей и предупредить меня об ее окончании.

Горбачев позвонил минут через пятнадцать после своего выступления, по дороге на встречу с Бушем и Рейганом, из машины и позвонил. Выслушал меня, сказал, что и там, в Нью-Йорке, прошел какой-то неопределенный слух о сильном землетрясении, попросил держать с ним связь. Ни слова о возвращении домой сказано не было. Визит продолжался, и для прекращения его Горбачев повода не увидел. Пока не увидел. Повторюсь: трудно представить беду умоглядно, тем более что ни Америка, ни остальной мир еще не слышали громовых раскатов спитакского землетрясения.

Да и мы в Москве все еще не представляли себе гигантских размеров трагедии. Да, Баталин уже прикидывал, откуда и какие можно перебросить в Армению строительные мощности, — вчерне. Да, Язов готов был подключить к оперативной работе войска, — если что. Да, Воронин уже готовил к переброске в республику палатки, продовольствие, медикаменты, не ведая, сколько всего потребуется в действительности.

Я встретился с С. А. Шалаевым, лидером профсоюзов, попросил:

— Освободите свои санатории, дома отдыха, пансионаты. Начнем вывозить из Армении женщин и детей, им надо где-то жить, а детям нормально учиться...

— Освободить — не вопрос, — ответил Степан Алексеевич. — Вопрос: на какое число беженцев рассчитывать?

— Не знаю, — честно ответил я. — Думаю, что счет пойдет на тысячи...

Опять забегая вперед, скажу, что я в принципе не ошибся: счет и вправду пошел на тысячи, да только таких тысяч ни я, ни Шалаев и предположить не могли. К новому году в санаториях и домах отдыха за пределами Армении жили более шестидесяти тысяч беженцев. Как жили? Слово «хорошо» здесь, увы, не подходит: хорошо было дома, когда дом был. Есть такой околоармейский термин — «нормально». Вот нормально они и жили. Великое спасибо за то профсоюзникам!

Глубокой ночью вернулся домой. В прихожей — упакованный чемодан. Два часа сна — забытья и... на аэродром. Думал, на несколько дней, а вышло...

В восемь утра мы прилетели в Ереван. Накоротке собрались в здании ЦК партии (там наш штаб так потом и обосновался, как в Чернобыле — в райкоме). Сходу выслушали более-менее подробные сведения о масштабах бедствия: 10-балльное землетрясение ударило по территории, на которой жили 700 тысяч человек. Разрушено четыре города, один — полностью. О сельских районах ничего пока не известно: туда за ночь не добрались...

Приняли самые первые решения. Язов прояснил свое «если что»: следовало срочно объявить мобилизацию шести консервированных полков войск гражданской обороны. Без техники ничего нельзя было сделать. Воронин прочно сел в армянский Госснаб — руководить снабжением на месте.

В зоне бедствия оказались 130 заводов, напрямую подчиненных союзным министерствам. Решили немедленно вызвать в зону их министров: пусть сами оценивают масштабы разрушений и берут на себя всю работу по их ликвидации.

Все это — в считанные минуты, заседать времени не было. Я встал, спросил:

— Ничего пока не забыли? Тогда — в аэропорт. Летим в Ленинакан.

Не помню уж, кто спросил на ходу:

— Вам в Ленинакане «Чайку» или «Волгу», Николай Иванович?

— Какую «Чайку»?! — так же на ходу возмутился я. — Вы еще кортеж организуйте с мотоциклами! Автобус дайте. И побольше, помощнее. На нем ездить стану.

Поняли меня правильно: в Ленинаканском аэропорту нас ждал красный «Икарус». На нем я и проездил все дни долгого пребывания в раненой Армении. Вернее, на них: один «Икарус» — в Ереване, другой — в Ленинакане и Спитаке. Их узнавали гаишники, водители, пешеходы. И проходимыми они оказались — несмотря на размеры и внешнюю неповоротливость, — что твой взлёт: через мощнейшие завалы и колдобины пробирались.

Дорога из Ленинаканского аэропорта в город была забита еле ползущими «Жигулями», «Волгами», «Москвичами», грузовиками, автобусами, автокранами.

В первые же часы Правительство республики, объявив о землетрясении и увидев масштабы трагедии, попросило граждан помочь вывести из зоны бедствия раненых, женщин и детей. В тот день мне показалось, что вся Армения откликнулась на эту просьбу, — все, кто имел возможность сесть за руль своей или казенной автомашины.

Потом кое-кто упрекал руководство Армении, что, мол, зря устроили панику, взбудоражили людей, зря сорвали их из дому. Утверждаю: никакой паники никто не устраивал. Может быть, я и преувеличиваю, но ведь именно в первый день и ночь, когда еще не подошла техника из других республик, армянские водители-добровольцы вывезли из зоны бедствия тысячи людей.

Но зато в город мы добирались очень долго. Если первые здания на въезде еще показались мне выстоявшими, даже на вид почти целыми, то сразу за ними начались руины.

Дома старой, особенно дореволюционной постройки разваливались по частям: две стены рухнули, а две стоят. Вот и перекрытия между этажами сохранились. Вот чья-то кровать выставила на свет божий никелированные шары. Вот полощется на ветру тюлевая занавеска на одиноко торчащей на стене оконной раме...

А современные блочные девятиэтажки падали, как домики, сложенные из легких костяшек домино, — кучкой падали, складывались. Все это — на первый взгляд, беглый взгляд, мятущийся взгляд. Глаз не успевал остановиться хоть на чем-то одном, взбудораженное сознание не могло зафиксировать целое, все сразу, осваивало его лишь по частям, будто страшную, черно-белую мозаику.

Улицы, вернее, то, что раньше было ими, забросаны обломками разрушенных зданий. Машины, люди кричат, лезут друг на друга.

Еле-еле доползли до площади перед большим универсамом. Вместо него лежала гора бетона, искореженного металла.

— Это не езда, — сказал я. — Оставим здесь автобус, пойдем пешком...

Едва вышли на площадь, нас обступили люди. Казалось, их были сотни — рыдающих, кричащих, убитых горем людей. Вероятно, кто-то узнал меня. Иной раз мои фотографии появлялись в газетах, хотя время телевизионных депутатских шоу, на которых мне не раз приходилось выдерживать атаки народных избранников, еще не настало. А может, свое, местное, начальство люди узнали. Навалились на нас, чуть не за лацканы хватали, кричали:

— Вы собираетесь что-нибудь делать? Где вертолеты? Где краны?

Четверо из моей охраны пытались прикрыть меня от толпы.

Я тихо сказал им:

— Спокойно, ребята, не надо меня ни от кого спасать.

И в это время какой-то залетный, неведь откуда вынырнувший кинореporter вскинул камеру и застрекотал сю, фиксируя «исторический момент».

— Сволочи! — вылетело из толпы. — Им наплевать на нас! Они сюда кино снимать приехали!

Люди в толпе находились в состоянии предельного накала. Любого, даже крохотного, повода хватило бы, чтобы произошел взрыв. Не понять их невозможно: беда, горе мгновенно ломают существующие в человеческом общении нормы и даже нравственные барьеры. Поведение толпы становится непредсказуемым и неуправляемым.

Мои охранники бросились спасать несчастного кинореportера, прикрывать его от ударов со всех сторон, выводить из толпы. Я, взобравшись на обломок бетонной плиты с уродливо торчащими прутьями арматуры, громко, предельно внятно и медленно начал рассказывать людям обо всем, что уже делалось в Армении и предстояло сделать в ближайшие часы.

Корреспондента увели сравнительно целым, люди неожиданно притихли, слушали внимательно. В минуты беды так нужно утешительное слово, тем более если оно не просто сказано, а и делом подкреплено. Задавали вопросы, хотя и по-прежнему достаточно агрессивно. Главный и наиболее часто повторяющийся: почему нет вертолетов?

Отвлекаясь от хода событий, скажу, что в те первые часы и дни после землетрясения превалировало мнение, будто именно вертолеты способны быстро и надежно растащить завалы и выволочь из-под них людей. Даже не будучи специалистом по вертолетам, я знал точно, что они здесь ничем не помогут. Но отказывать людям, которые поражены оглушающим горем, грех было. Днем позже мы пригнали в Ленинакан тяжелые милевские машины. Они пылили безжалостно, создавая над завалом просто-таки пылевую бурю. Ничего не было видно, да и никакой серьезный завал даже они растащить не могли: обрушенные блоки цеплялись друг за друга арматурой. Вертолеты в любую секунду могли упасть и разбиться. Впрочем, не пригодились для разборки завалов — пригодились для эвакуации людей. Не зря пригнали...

А идти по городу было до жути страшно и больно. Из-под развалин слышны были крики похороненных заживо жителей Ленинакана. Их родные, волею случая оставшиеся вне дома, вне учреждения, вне магазина, вообще вне здания,

раздирая в кровь руки, безнадежно пытались пробиться к ним. Тоже криком кричали, бросались к нам то ли с просьбой, то ли с угрозой: «Помогите же!» А что мы в те минуты могли сделать? Только вновь и вновь успокаивать, обещая: подождите, утишьте волнение, помощь близка.

Как невыносимо тяжело чувствовать себя беспомощным и слабым! Как ненавидишь себя за бессилие сегодня, сейчас, даже если знаешь, что завтра, послезавтра, послепослезавтра придет сила! Как барабанно пуста власть, если она не может отвести беду мгновенно! Честное слово, в те минуты я бесконечно сожалел, что я — всего лишь обыкновенный премьер-министр многострадальной страны, а не всесильный волшебник с Аладдиновой лампой под мышкой...

И все же именно власть Предсовмина страны, реальная власть, а не сказочное могущество джинна из бутылки, вселяла ощущение: мы должны и можем успеть! Я шел по разрушенному Ленинанкану, слушал и не слышал чьи-то слова, быть может, и важные в принципе, но совсем не важные в тот миг. Кругом слышны были рыдания, в чьи глаза ни посмотришь — в них полно слез. Да и у меня комок в горле стоял. Где тогда был велеречивый профессор Собчак, который позже назовет меня «плачущим большевиком»? Ну что бы ему раньше увидеть людские слезы — реальные, а не мифические. Ну что бы ему, нестигаемому, уразуметь, что причина человеческих слез — отнюдь не партийная принадлежность! Тогда, может быть, он не стал бы в перестроечном 88-м спешно вступать в партию, традиционно клянясь в верности идеалам коммунизма. Погодил бы совершать столь необдуманный поступок, который потом ему пришлось спешно исправлять. Но он, увы, не увидел всего этого, поскольку тогда в Армению не прилетал, — в той Армении следовало работать головой и руками, а не языком. Да я в то время и не знал о существовании этого холеного господина, как сказал один известный писатель и публицист, — недавнего провинциального стряпчего, юриста по бракоразводным делам, который приплыл к власти на волне «демократической» демагогии. А став незадачливым и бездарным мэром, попирающим элементарные нормы, законы, он до ручки довел вторую столицу. Но это лишь к слову...

Еще ни я, ни вообще кто-то не делил людей в горе на «своих» и «чужих», «наших» и «не наших». Еще Советский Союз был единой державой, что и позволило мне тем же днем сказать в интервью корреспонденту телевизионной

программы «Время», что, если мы хотим помочь Армении, если мы хотим спасти как можно больше людей, — а это было первоочередной задачей, — то принять в этом участие должны все республики, весь Союз.

Прямо с забитой до предела площади в Кировакане я обратился к гражданам страны. Надо сейчас, не дожидаясь никаких команд сверху, руководителям предприятий, самим трудовым коллективам готовить технику — автомобили, бульдозеры, большегрузные автокраны, сварочные аппараты и, главное, людей, которые станут управлять этой техникой. Грузить ее на железнодорожные платформы для немедленной отправки в Армению. Ночью мы сообщили адреса отгрузки.

Это мое обращение вышло в эфир вечером 8-го. Оно возымело свое действие, поскольку уже утром 9-го мы знали — телефонная связь с Ереваном работала безотказно, — где и сколько техники подготовлено для отправки в зону бедствия. А до того мы побывали в абсолютно разрушенном Спитаке, в городе, который за 20 секунд первого подземного удара полностью исчез с лица земли, превратился в горы развалин. Здесь четко руководил спасательными работами мужественный человек — Норик Григорьевич Мурадян. Глаза у него были красные, воспаленные — стихия унесла 11 его родственников. Кстати, он был назначен Первым секретарем райкома партии за 15 минут до землетрясения.

Из Ленинакана в Спитак, расположенных друг от друга в 30—40 километрах, пробирались на своем «Икарусе» несколько часов. Здесь был эпицентр землетрясения. Дорога вздыбилась, гигантские зияющие трещины, как змеи, шли по земле, казалось, горы сошлись друг с другом. На дорогах лежали многотонные валуны, сброшенные стихией с вершин. Железнодорожные рельсы скручены в огромные спирали. Вагоны шедшего в те секунды состава валялись вверх колесами, тепловозы — на боку...

Автобус не проходит среди завалов — и все во главе с премьер-министром толкают его плечами. Пролеты моста, сошедшие со своих опор, держатся на честном слове. Приходится идти пешком — если уж погибать, то одному водителю-смертнику. А впереди все это время шел самосвал, в кузове которого на каких-то подстилках лежали перебинтованные два человека. Ни разу они не поднялись...

Сколько я тогда узнал незаметных и нешумных самоотверженных людей! В те дни никто не думал о наградах, поощрениях. До этого ли было? Все кругом стонало —

люди, душа, природа. Через несколько месяцев я попросил как-то отметить своих помощников, но замотали и это. Хотя, как мне стало известно потом, охрана Горбачева за два дня своего пребывания в Армении получила и досрочные воинские звания, и еще что-то. Купил я десяток карманных часов, попросил выгравировать: «В благодарность за Армению — Н. Рыжков». И вручил своим ребятам, верой и правдой прошедшим через всю армянскую трагедию.

Мы успели дотемна посетить Кировакан и вернуться в Ереван, где сразу, с колес, подвели итоги увиденного и наметили основные направления работы. Первое, как уже сказано, — это расчистка завалов и спасение людей. Второе — медицинская помощь раненым. Третье — создание хотя бы элементарных условий для жизни, установка палаток, строительных вагончиков. Четвертое — эвакуация женщин и детей. Пятое — обеспечение оставшихся в зоне питанием, водой, теплой одеждой (зима на дворе, люди остались на улице практически без ничего). Опять-таки забегая вперед во времени, скажу, что до 5 января все жители городов зоны бедствия обеспечивались бесплатным питанием.

Вечером же 8-го из Нью-Йорка позвонил Горбачев. Я ему рассказал обо всем увиденном, сообщил, что решил остаться в Армении до того, как будет налажена четкая работа по спасению людей. В то время он уже не очень-то и советовался со мной, не принимал многих моих советов и поэтому не ждал их, а тут спросил:

— Как ты думаешь, схать мне на Кубу и в Англию или все-таки вернуться?

Я ответил, не задумываясь:

— Вернуться. И как можно скорее. Вам следует прилететь сюда, в Армению...

Если честно, мой совет был нужен ему для проформы: он, пожалуй, и сам понимал, что оставаться вне страны в эти тяжелейшие дни ее руководитель не имеет права. В тот же день он официально прервал визит, и следующий его звонок мне состоялся уже с борта самолета утром 9-го.

Мог ли он прилететь сразу в Армению, минуя Москву? И тогда считал, и сегодня мнения не поменял: не только мог — должен был. Опять вспоминаю Маргарет Тэтчер. Рад, что имел возможность лично встречаться с ней, беседовать, даже провожал ее в Шереметьево сразу после знаменитой телевизионной пресс-конференции с тремя нашими, казалось бы, зубрами «доперестроечной» журналистики,

которые бездарно и тщетно пытались загнать ее в угол. К слову, она тогда не без легкого торжества поведала мне по дороге в аэропорт, что легко «посадила» наших самоуверенных журналистов...

Так вот, она всегда, не дожидаясь особых приглашений, мчалась на любую беду, коли таковая настигала ее соотечественников. Но наш Генеральный никогда не спешил в опасные для него места. Я уже писал об этом в главе о Чернобыле, вновь повторю и здесь. Горбачев предпочитал стиль газетных и телевизионных официальных соболезнований: они не требуют чрезмерных нравственных и физических сил.

Он появился в Арменим утром 10-го, это была суббота, прибыл вместе с женой, которая всегда и повсюду сопровождала его. Накануне он позвонил из Москвы и поинтересовался: куда лучше лететь?

Я ответил:

— Летите прямо в Ленинакан. Мы вас там встретим.

Через несколько минут после нашего с ним разговора позвонил генерал Плеханов, начальник 9-го, «охранного», управления КГБ, и спросил:

— Николай Иванович, как в Ленинакане со взлетно-посадочной полосой? Выдержит тяжелый самолет?

— Выдержит, — удивленно подтвердил я. — А вы что, танки везти собираетесь?

— Почему танки? — Не принял моей мрачноватой шутки Плеханов. — ЗИЛы для Михаила Сергеевича и его сопровождения.

Тут я взорвался, каюсь. Заорал:

— Какие ЗИЛы? Не порите чушь! Здесь беда, океан горя, а вы на «членовозах» разъезжать собрались? Что люди скажут — подумали? Не-ет, Горбачев со мной ездить будет. На «Икарусе». И сопровождение тоже — места всем хватит, автобус большой. Ясно?

— Ясно, — коротко ответил Плеханов.

Но наутро в Ерван прибыл самолет с роскошным, сияющим ЗИЛом. Конечно же, Горбачев с женой и не подумали на нем ездить — в тех условиях это было бы просто нелепо, а передвигались по зоне бедствия на моем «персональном» автобусе, то и дело выбираясь из него и разговаривая с людьми в Ленинакане или Спитаке, а ЗИЛ, если я не ошибаюсь, так в Армении и остался. На память.

Я вспомнил об этом курьезном факте вовсе не для того, чтобы кинуть лишний камень в сторону уже не существу-

ющего в прежнем своем виде ведомства госбезопасности. Я вспомнил о нем только потому, что хочу сказать: и в дни всеобщей беды находились люди, и, увы, немало, которые думали вовсе не о ней, не о том, как спасти пострадавших, как облегчить боль раненым, как накормить и обогреть голодных и замерзших. Они смотрели на мир и страну со своего шестка — будь он ведомственный, служебный или эгоистично-национальный. Ведь именно в короткое пребывание Горбачева на армянской земле я не один раз слышал обращенный к нему вопрос: «Как вы собираетесь решать проблему Нагорного Карабаха?»

Действительно, национальные проблемы к 1988 году уже были болезненно обнажены, и в первую очередь — в Армении. Но в те тяжкие дни мне казалось, что именно беда сплотит враждующие стороны, остановит — пусть хотя бы на время! — конфликт, начавший не тлеть уже, а пылать.

Увы, но кому-то было выгодно раздувать этот конфликт даже в дни всенародного горя. Кому-то было выгодно не пропускать через армянскую территорию машины и автокраны с азербайджанскими номерами, прямо на границе двух республик номера меняли на армянские. Кому-то было выгодно позже блокировать на земле Азербайджана железнодорожные перевозки в Армению. Я не пытаюсь здесь, в моем рассказе о спитакском землетрясении, определить, кто прав, а кто не прав в карабахском конфликте. Хочу лишь напомнить, что во все времена во всех концах земли горе сближало людей. Если не наступал мир, то было перемирие. В нашем же «конце» беду использовали, чтобы стало больнее. Кому это было выгодно?

Да, в Армении в те дни были силы, которые хотели и на людском горе занять свой политический капитал. Как не вспомнить известный комитет «Карабах», который возглавлял нынешний Президент Армении. Ведь именно этот комитет провоцировал слухи о том, что якобы взрыв атомной бомбы в соседней республике вызвал землетрясение. Или другое: сколько потребовалось усилий, чтобы убедить людей, находящихся на грани нервного срыва, что их вывозят не в Сибирь, а в Сочи, и не за тем, чтобы растворить многострадальный армянский народ, а для того, чтобы сохранить его!

И действительно, теперь уже около полутора миллионов граждан Армении из четырех выехало в Россию, Соединенные Штаты и другие страны. Армянская диаспора расширяется. Вот вам и растворение армян в Сибири!

Да и как не бежать из страны, если на одного едока

дают 250 граммов хлеба, сводят скверы на дрова, продают медные провода с троллейбусных линий для закупки чего-то за рубежом. Что-то похожее на блокадный Ленинград. Но там был ведь внешний враг.

Может быть, мой короткий (всего одна глава в книге) рассказ об Армении сбивчив. Плавню и складно не получается. На меня здесь давят два груза. Один — невыносимо тяжелый, огромный и мучительный груз увиденного и пережитого за бесконечные декабрьские и январские недели моего пребывания в республике. Что главное? Что выбрать? На чем задержать внимание? Для меня выбор невероятно сложен: все главное! Второй груз: я не могу и не хочу соперничать с сотнями писательских и журналистских работ, талантливых и не очень, правдивых и не совсем, но в которых подробно и эмоционально описана вся история трагедии в Армении. От начала и до... Чуть было машинально не написал: «до конца». Нет ей конца. И страшно, коли не будет...

А начало было все же очень обнадеживающим.

Техника для спасательных работ приходила уже с 8 декабря и шла буквально нескончаемым потоком: сперва из соседней Грузии, из Азербайджана, с Северного Кавказа, своим ходом. Хотя, как я сказал, «ход» ее из Азербайджана был непростым. Потом — из России и других республик.

Все плановые поставки строительной техники с соответствующих заводов отменили и перенацелили на Армению. Железнодорожники почти втрое (!) увеличили скорость движения грузовых составов — с 300 километров в сутки до 800. День и ночь за этим следил министр путей сообщения Николай Семенович Конарев.

Но и при этом нужно было четыре-пять дней для переброски эшелонов с Урала, не говоря о Сибири. Приняли решение: пока эшелоны идут откуда-нибудь издалека, начать перебрасывать технику по воздуху. Тут и военнотранспортная авиация работала, и аэрофлотовцы. Конечно, без мелких ЧП не обходилось. То автокран в брюхо самолета не влезает, надо кабину подрезать, то вес слишком велик, что-то сбрасывать надо...

Мы проводили короткие «летучки» штаба в Ереване дважды в день — утром и вечером: что сделано, что делается, что надо сделать. Так именно 9-го тогдашнему замминистра и будущему, в моем Правительстве, министру гражданской авиации Борису Егоровичу Панюкову крепко от меня досталось за некоторую неорганизованность. Но и подейство-

вало. Я каждый день в блокноте нечто вроде конспективного дневника вел. Вот запись от 10 декабря: «Два часа ночи. В Ереване село 12 бортов. 12 — в воздухе. Еще 6 — на подходе...» В Ереванском аэропорту, в Ленинаканском можно было, задрав голову, ежеминутно просто сосчитать самолеты, чуть ли не гуськом летящие по большому и малому кругам ожидания. И садились один за одним. На разгрузку борта давали всего 10 минут.

Через пару лет я случайно познакомился с одним из летчиков, который был в той «карусели». Он мне рассказал, что они испытывали в воздухе и видели на земле. Во многом, по его словам, это напоминало рассказы старших друзей, бывших летчиков Отечественной войны.

Мне напомнят: ведь и аварии были. Были, как не быть. К счастью, не много. А ведь в той обстановке сжесекундного аврала именно счастье, что судьба, мастерство и ответственность, собранность людей свели к минимуму число авиакатастроф. Перед глазами у меня две ужасные картины. На сотни метров разбросаны обломки самолетов — югославского и советского. Наш шел из Баку с техникой и резервистами на борту. Все погибли. Я надеюсь, что власти Армении установили на месте гибели этих людей памятник, ведь они спешили на помощь их народу.

Посадочная полоса работала непрерывно, диспетчеров не хватало — у нас их по всей стране не избыток. Погодные условия тоже не особенно радовали. Плюс горы... Да и вообще аврал не способствует тотальному порядку и в воздухе, и на земле. Вот я чуть выше порадовался, что республиканское руководство в первые же часы беды призвало всех, кто способен помочь вывезти пострадавших. Но уже через несколько дней эти действительно беззаветные добровольцы начали сильно мешать планомерной работе. Дороги и улицы в городах были так забиты, что «скорые помощи» часами к раненым продирались, а разгруженная в Ереване техника не могла за день преодолеть ста километров. Если использовать медицинские аналогии, то ситуация на дорогах Армении начинала походить на тяжелый тромбоз — закупорку вен. Надо было вводить чрезвычайное положение.

Сегодня термин «чрезвычайное положение» вызывает легкую или не очень легкую — у кого как — дрожь. Он начисто скомпрометирован непрофессиональностью властей в Тбилиси, Вильнюсе, в Чечне. Не говоря уже о военной технике в Москве, которая в 91-м году вводилась ГКЧП

стами, а в октябре 93-го Президентом России для разрешения разногласий между ветвями власти. В наше время этим баловаться не полагалось.

Чрезвычайное положение объявлялось в действительно экстремальных условиях, а если честно, так на моей памяти — именно в Армении впервые. Как его вводить, никто не знал. Даже военные. Решили взять в кольцо два разрушенных города, десантными войсками перескрыть въезды в них, поставить своего рода заставы из танков и БТРов. Все посторонние автомобили вывести из этих городов и разместить на импровизированных стоянках, как говорится, в чистом поле. Утром 10-го города были взяты в кольцо, на стоянках за ними замерло более 50 тысяч машин. Я обратил тогда внимание на четкость выполнения указаний министра обороны Д. Т. Язова генералом И. Н. Родионовым. Да, это был именно тот генерал, которого через полгода затапывали на Съезде за тбилисские события.

Говоря о первых днях, когда тех же автокранов было — по пальцам сосчитать можно, вспоминаю, какая шла битва за каждый такой механизм. Люди дневали и ночевали на развалинах своих домов — там, где стихией были похоронены их родные и близкие. Всякий старался заполучить кран на «свои» развалины. Разве этих людей можно не понять? Но когда техника пошла потоком, то и драки за нее закончились. Тем более что ждать и надеяться на чудо люди могли, как выяснилось потом, только двенадцать дней: именно на двенадцатый день из-под развалин был спасен последний живой человек, подросток.

Но о том, что он последний, мы узнали позже, да и не отнимешь ведь у людей веру в лучшее? А если говорить об итогах, то всего из-под завалов спасатели — профессионалы и непрофессионалы — извлекли 40 тысяч человек, из них 16 тысяч живыми.

Профессионалов, к несчастью, было мало. Своих — вообще считанные единицы, службы спасения людей в экстремальных условиях у нас до тех пор не существовало, только горноспасатели и были. Мы были буквально поражены, когда увидели оборудование спасателей, прибывших из-за рубежа. Мы и не верили раньше, что не в фантастических романах, а в реальной жизни существуют приборы, которые сквозь толщу завалов реагируют на тепло человеческого тела, на стук сердца, на дыхание даже. И собак, умеющих чуют людей под развалинами, у нас не дрессировали. К слову, ничему нас в этом отношении Армения

не научила. Разве что появились в разных городах группы, самостоятельно тренирующиеся спасать людей. Ничего у них нет — ни оборудования, ни приборов, ни тренажеров, ни даже порой помещений.

Осенью 1991 года в Ленинграде, то есть теперь Санкт-Петербурге, в песчаной горе Парнас Шуваловского парка засыпало двух подростков. Двое суток спасатели выгребали песок, используя обыкновенное цинковое корыто и штыковые лопаты с обломанными черенками. Одного ребенка спасли, другой так и погиб под тяжестью песка. Мэрия дела иметь с этой чрезвычайной ситуацией не пожелала. Никогда не плачущий бывший большевик на пресс-конференции жестко заявил, что спасать детей — не дело мэрии. Напоминаю, он не был в Армении, он не видел сотен детей, извлеченных спасателями из-под руин, детей с переломанными, оторванными ручками, ножками, детей полузадохнувшихся, детей изуродованных, искалеченных, погибших. У мэрии Санкт-Петербурга — совсем другие дела. Тогда, в дни трагедии в Шуваловском парке, мэр просто парил над посетившей «колыбель революции» Маргарет Тэтчер. Полагаю, что если бы она узнала о засыпанных в горе подростках, то сама, без Собчака, посхала бы в Шуваловский парк...

Но это, повторяю, был 91 год. Тогда, хотя бы с помощью обломка лопаты, но пытались достать детей. А в 94 году газеты писали, что центр второй столицы заповилили бездомные, грязные и завшивленные «невские гавроши». По данным той же мэрии, их сейчас около 10 тысяч. Все это напоминает времена гражданской войны.

Не понадобится ли нам новый «железный Феликс» для их спасения?

Когда случилась беда в Чернобыле, руководители многих держав, как я писал, никакой моральной поддержки и тем более — реальной помощи нам не оказали. В Армению же прилетали самолеты с продовольствием, палатками, одеждой, медицинским оборудованием и лекарствами, с добровольцами-врачами, спасателями из шестидесяти стран мира, включая Израиль, с которым у нас тогда не существовало никаких отношений, даже неофициальных.

Беда Армении стала бедой не только всей страны, но и всего мира. Я дал указание Министерству иностранных дел: никаких ограничений на прибытие в Армению любых специалистов, любых грузов. К сожалению, МИД СССР слишком запоздало отреагировал на события: даже переводчиков

в Армению не прислал сразу. Разговаривали с прилетевшими иностранцами чуть ли не на пальцах. Позже Шеварднадзе раздраженно и обиженно звонил мне: мол, почему не предупредил, не объяснил, что необходима активизация его службы... Я спросил: а разве тех добровольцев из-за рубежа, что прибывали в республику, кто-нибудь предупреждал, объяснял им, что необходимо?

Первыми — на следующий же день — прибыли спасатели из Франции, которые привезли одежду, медикаменты. Только за сутки работы они извлекли из-под развалин более шестидесяти человек. Затем прибыли специалисты из Австралии, Италии, Америки, Германии...

В те же дни я встретился со всемирно известной мужественной хрупкой женщиной — матерью Терезой. После нашего разговора я склонился перед ней, и она деловито перекрестила меня, благословив.

Мне дорога и благодарность пожилой армянской женщины из глухого горного села, где однажды приземлился наш вертолет, которую она выразила словами: «Пусть твои болезни перейдут ко мне!» Как я потом узнал, это — самая высшая форма проявления уважения к человеку у народа Армении.

Горжусь всем этим по сей день, как и благословением ныне покойного Католикоса всех армян Вазгена I, с которым тоже встретился и беседовал на земле Армении. Помню его слова, обращенные в те дни к народу:

«После молитвы и траура обратим наши лица к убитому горем народу и к нашим разрушенным городам, со скорбью в сердце, но без отчаянья, не чувствуя себя побежденными. Со светлой верой, несокрушимым духом, могучими руками стойко примем нашу судьбу, мужественно перенесем любые испытания...»

Как одну из самых добрых реликвий и поныне храню послание этого, ушедшего теперь от нас, замечательного человека, выдающегося церковного и общественного деятеля.

Я уже говорил, что мое 60-летие не было отмечено как властями, так и «широкой общественностью». Старые времена ушли, когда юбилеи лидеров всенародно отмечались, а новые, когда практически все повторяется, хотя и без орденов, но зато с огромными букетами алых роз на экранах телевизоров, еще не наступили. Правда, меня это совершенно не волновало, тем более что было ясно: Генеральный и его приближенные «проконтролируют», чтобы в прессе ничего не появилось. И тем дороже

были мне многочисленные поздравления друзей, знакомых и незнакомых людей, которые далеки от возни под кремлевскими коврами.

Особенно меня тронуло поздравление Католикоса. Я позволю себе его процитировать:

«Из далекой Армении и Св. Эчмиадзина Мы рады принести Вам наши теплые приветствия и добрые пожелания в связи с Вашим 60-летием.

Мы и весь армянский народ не забыли и не забудем Вашу отзывчивость и доброе отношение после бедственного землетрясения, когда в течение многих дней, днем и ночью, сочувствуя нашему горю, Вы проявляли большую заботу к израненному населению. Наш народ, проживающий как на территории Советского Союза, так и за рубежом, благодарен Вам.

А Мы, что имели духовную радость пожать Вашу добрую руку, молимся за Ваше долголетие и желаем Вам неутомимого рачения, неисчерпаемого терпения, духа оптимизма, чтобы Вы рядом с Вашими соратниками, свойственной Вам уравновешенной мудростью внесли бы Вашу лепту в дело мира и блага советских народов нашей многонациональной неразделимой большой семьи.

От имени Армянской Апостольской Церкви примите также Наши сердечные наилучшие пожелания во претворение благородных идеалов Вашей отчизнолюбивой миссии с пожеланиями семейного счастья».

Я всегда был уверен, что интернационализм — не абстрактное понятие, придуманное Лениным, а живое, дышащее, мощное. И я еще раз убедился в этом, когда люди всего мира — вне зависимости от возраста, пола, цвета кожи, благосостояния — чем-то, пусть самой малостью, хотели помочь армянскому народу.

Когда я вернулся в Москву, мой тогда пятилетний внук Коля с гордостью сообщил мне:

— Дедушка, я тебя по телевизору смотрел, слушал и все-все видел. А потом всю копилку разбил и послал денжки в Армению.

Я знал, что он целый год складывал в кошку-копилку монетки: собирал на велосипед. Дочь Марина, Колина мама, рассказала, что как-то после очередной программы «Время» он пришел к ней с глиняной кошкой и попросил разрешения разбить ее. Денег оказалось двадцать семь рублей с копейками... До сих пор в ящике стола лежит у Коли, школьника уже, квитанция о почтовом переводе, как напоминание о трагедии, всколыхнувшей страну и мир.

А скольким потерявшимся и растерявшимся детям нашел родных Советский детский фонд во главе с Альбертом Анатольевичем Лихановым, уже 8 декабря открывший свой постоянно действующий штаб в здании Ереванской филармонии! Скольким детям и вообще семьям помогла газета «Надежда», организованная в те дни комсомольскими журналистами Армении и прилетевшими сюда корреспондентами еженедельника «Семья»! Дети искали и находили родителей. Родители искали и находили детей.

Женщины и дети Армении уезжали из поверженных городов и сел. Я приехал на вокзал в Кировакане, втиснулся в состав, уже готовый к отправке, прошел по вагонам, прощаясь с женщинами и ребятами. На перроне молчаливо и грустно стояли мужчины. Сколько вагонов прошел насквозь, не помню. Лишь врзался в память постоянным рефреном звенящий вопрос: «Мы вернемся?» Я очень хотел верить, что все они вернутся на Родину, в новые дома, может быть, в новые города и села, заживут по-старому, кто как умел... Моя ли вина, что так не получилось?

Вновь скажу: я не воссоздаю здесь хронологию нашей спасательной и восстановительной работы в Армении, я просто рассуждаю: все ли сделано, что было нужно и возможно? Что не сделано? Почему не сделано? И опять, как рефрен: кому же было выгодно, чтобы все остановилось, замерло, замерзло?

Мы ведь уже всюю проектировали, восстанавливали, строили заново. На конец 89 года в восстановительных строительных работах было занято около 70 тысяч человек, приехавших со всей страны, а также из-за рубежа. Строительные работы были оценены почти в 9 миллиардов (тогдашних!) рублей — это столько же, сколько, примерно, стоило, по проекту, сооружение БАМа. Мой заместитель по Совмину Баталин жестко подгонял проектантов, да и сами строители их подгоняли, эшелонами прибывая в Армению.

Разгружались, выстраивали для себя временные городки из вагончиков, рассчитывая жить и работать здесь несколько лет, до полного восстановления разрушенного. Уже 7 января 89-го, ровно через месяц после трагедии, был заложен в Ленинанкане первый дом. Строители России во главе с зампредом Совмина РСФСР О. И. Лобовым начали масштабную застройку этого города.

Да, еще раз скажу, все это здорово ударило по нашей плановой работе в народном хозяйстве. В Армении мы

ускорялись, в Армении... Но разве хоть кто-то мог упрекнуть нас за это? Мы жили этой бедой, вся страна жила ею, и вытащила бы республику из этого ужаса, если бы...

Недавно я встретился с бывшим министром социального обеспечения Армении Нарине Мисхаковной Балаян. Она принимала самое активное участие в помощи населению в то трагическое время. И мне было приятно услышать, что и Международный спинальный, и протезный, и детский реабилитационный центры, решение о строительстве которых мы тогда по ее предложению приняли, созданы и действуют. Но сколько же еще не сделанного? Работать бы и работать...

Однако Карабахский конфликт возродился с новой силой. Опять начались демонстрации, вооруженные стычки, полилась кровь. Азербайджан то и дело прибегал к откровенной блокаде Армении, не пропуская через свою территорию составы, груженные строительными материалами и техникой. Тысячи строителей в районе землетрясения сидели попросту без дела. А потом снимались и улетали: кому охота жить вдали от дома и не делать того, ради чего его покинул.

И внутри самой Армении появились различные политические движения, которые довольно легко отвлекали людей от проблем зоны бедствия. Сначала беда Армении перестала быть общей, а потом и вовсе забылась, как будто и не случилось никакого землетрясения, как будто и не остались без крова тысячи людей, как будто не живут калеками дети. Ненависть оказалась сильнее любви.

Иногда я ставлю в видеомагнитофон кассету, на которую жена каждый вечер в тех далеких декабре и январе записывала из программы «Время» сюжеты об армянской трагедии, смотрю, вспоминаю. Это — моя боль. Она не проходит. Телевизионный обозреватель Александр Тихомиров, бывший в Армении с первых дней беды, обронил в одном из своих репортажей фразу. Так она, примерно, звучала: если бы горе имело силу, то оно разметало бы все завалы в зоне бедствия. Страшно, но силы у этого горя хватило не слишком надолго. А теперь, когда каждая республика живет самостоятельно, стремится везде и всегда подчеркнуть свою суверенность и независимость, как сможет Армения залечить раны? Да и сможет ли — одна?

Я смотрю видеокассету, а жена старается найти предлог, чтобы выключить магнитофон, отвлечь меня от воспоминаний. Боится, что опять долго не засну, стану думать: как

там, в недостроенном Ленинакане? В непостроенном Спитаке? Еще одна зима. Еще одно испытание. Давно я там не был. С 89-го...

Наш с женой близкий друг, прекрасный русский поэт-свердловчанин, ныне покойный Лев Сорокин написал когда-то:

Боль свою можно годами носить,
кто принесет утешенье?
Больше всего не люблю я просить —
в просьбе всегда унижение.

В просьбе всегда унижение? Может быть, по большому счету, это и так. Но есть просьбы, естественные, как дыханье: просьбы больного к врачу, ребенка — к матери, человека — к Всевышнему. И доведись мне обратиться к Богу с единственной просьбой, умолил бы его спасти нас от ненависти! Сколько же она поломала планов, судеб, жизней! Сколько еще ломает...